

Социальная природа электорального выбора

Алексей Васильевич Яушев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Соискатель

E-mail: vg_zarubin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к изучению социальной природы выбора избирателей. Речь идет о явлении электорального сдвига, который представляет результаты действий избирателей, не совпадающие с прогностическими ожиданиями социологов, экспертов и политиков. К его разновидностям относятся институциональный, функциональный и тактический электоральный сдвиги. По мнению автора, первая проблема исследования внутренней природы электорального действия заключается в определении соотношения между рациональным и иррациональным в действиях избирателей.

Суть второго направления состоит в противопоставлении традиции западной политической культуры, опирающейся на рациональность, и традиции российской политической культуры, иррациональной по своей природе. Согласно третьему подходу постмодернизм не применим к анализу российской действительности в принципе.

Рассматривая явление рационального выбора, автор выделяет три модели: прагматического выбора, инструментального выбора и общественно значимого выбора. Автор отмечает, что в представлениях избирателей возникает цепочка, чередующая рациональные действия политиков с непредсказуемыми. Вследствие этого результаты многих голосований можно назвать итогом стихийного взаимодействия сознательных действий избирателей и политиков.

Ключевые слова: избиратель, выборы, электоральный сдвиг, рациональный выбор, политическая партия.

УДК 316.34

Изучение проблемы выбора является одним из аспектов социологического анализа корпуса избирателей. Эмпирические исследования показывают, что в условиях элективного сдвига эта проблема проявляется наиболее отчетливо.

Под электоральным сдвигом, следуя концепции В.Г. Зарубина [5, 6, 7], мы понимаем результаты действий избирателей, не совпадающие с прогностическими ожиданиями социологов, экспертов и политиков. В зависимости от масштаба последствий для политической системы можно выделить следующие разновидности электоральных сдвигов.

Первая разновидность – институциональный электоральный сдвиг – связана с качественными изменениями политической системы и с переходом к новому политическому режиму. Поэтому институциональный электоральный сдвиг порождает новый тип легитимности, политической социализации и элективной культуры.

Вторая разновидность – функциональный электоральный сдвиг – связана с электоральными действиями, которые приводят к непрогнозируемому изменению расстановки политических сил. Причина функционального типа легитимности связана с умением мобилизовать ресурсы, правильно определить стратегию избирательной кампании, что способствует самоидентификации избирателей с данной партией или лидером.

Третья разновидность – тактический электоральный сдвиг. В американской традиции эта разновидность получила название "the last minnute swing" (сдвиг последней минуты). Своеобразие данного явления состоит в том, что в странах, где практикуются выборы, по мере приближения дня выборов растет изменчивость электората: за две недели до выборов и даже в сам день голосования почти 1/3 избирателей еще не делает окончательного выбора. Так что даже кандидаты, которые, казалось бы, уверенно идут впереди, боятся, что

"активность в последнюю минуту" со стороны конкурента либо важные события внутри страны или на международной арене могут разрушить столь, на первый взгляд, уверенное лидерство. С другой стороны, кандидаты, считающие, что им приходится обороняться, должны сформулировать такие призывы, которые могли бы изменить ситуацию в их пользу.

Американский исследователь Ф. Лазарсфельд, одним из первых зафиксировавший сдвиг последней минуты еще на выборах 1940 г. в США, обратил внимание на специфические особенности, определившие выбор избирателя. Ф. Лазарсфельд назвал его "эффектом оркестрового вагона". Иными словами, тот кто оказался с победителем, считает и себя тоже победителем. На основании этого эффекта строится тактика конкретных избирательных кампаний. Рецепт достаточно прост и сводится к следующей рекомендации: "следует выстрелить из всех ружей, и, может быть, одна пуля из множества попадет в десятку". Консультативные центры и конкретные разработчики в методических пособиях о тактике и стратегии избирательных кампаний следуют этим рекомендациям.

Первая проблема исследования внутренней природы электорального действия заключается в определении соотношения между рациональным и иррациональным в действиях избирателей.

Критика рациональности ведется в двух плоскостях. Во-первых, подчеркивается методологическая уязвимость рационального выбора. "Дефектность в эмпирической работе возникает не просто из-за небрежности, – подчеркивают Д.П. Грин и И. Шапиро, – но из-за того, что приверженцы теории рационального выбора допускают определенные характерные неточности при формулировании и проверке гипотез" [4, С. 61]. По мнению ряда социологов возникает необходимость в исследовании методологического основания иррациональности политических процессов.

Суть второго направления состоит в противопоставлении традиции западной политической культуры, опирающейся на рациональность, и традиции российской политической культуры, иррациональной по своей природе. В сознании российского избирателя причудливо переплетается отказ от государственности с верой во всемогущество государства, олицетворяемого харизматическим вождем-тотемом (А.С.Ахизер [1, С. 30]). Он олицетворяет негативную сущность, которая проявляется в личной несамостоятельности человека; растворении частных интересов, взглядов, мнений; отрицании неотъемлемых прав личности. Он передает все права "высшей общности", т.е. государству; стремится к уравнительности; разнообразие, отличия, обособление считает недопустимыми; он отличается нетерпимостью, стремясь решить почти все возникающие вопросы путем насилия над меньшинством (И.К. Пантин [9, С. 78]). К отличительным свойствам российского избирателя относятся политический утопизм, потребительская структура интересов и инерция тоталитарного восприятия власти (И.М.Клямкин [8, С. 15]). Поэтому в современной России не приживаются институты гражданского общества, а политическая жизнь непредсказуема и нестабильна.

По мнению ряда исследователей, европейская цивилизация миновала стадию модерна, которой был присущ рациональный тип мышления. Этот тип мышления отличался универсальностью, гомогенностью, монотонностью и ясностью. Сейчас европейская цивилизация строится на постмодернистских принципах, которым присущ иной тип мышления. Данный тип мышления строится на принципах институционализированного плюрализма, непредвиденности и неопределенности.

Это дает основания считать, что рациональность – это явление несвободы, а неопределенность проявление подлинной свободы, в том числе и политической. Именно этой точки зрения и придерживаются сторонники постмодернизма. В частности английский исследователь З. Бауман пишет: "В отличие от системоподобных тотальностей современной социальной теории, среда не детерминирует поведения субъекта и не определяет его значения, это не более (и не менее) чем сцена, на которой возможно как действие, так и приписывание действия. Ее собственная идентичность недетерминирована и подвижна, как возникающая и преходящая и как идентичность действий и их значений, которые формируют ее" [2, С. 32].

Казалось бы, реалии избирательного процесса в российском обществе подтверждают эту точку зрения. Внешние атрибуты действий политической элиты лишней раз подтверждают сказанное о том, что "вместо легитимации власти мы видим работу пресс-центров и пресс-бюро" [3, С. 74]. Однако не свидетельствует ли стремление данной

интеллектуальной традиции уйти от обобщений и упорядочения о том, что данная теория приложима лишь к конкретной ситуации – ситуации перехода от одного состояния общества к другому? Постмодернизм рассматривает себя в качестве гарантии человеческой свободы. Можно ли согласиться с тем, что таковым он и является в реальности? Ведь сама методология постмодернизма категорически предостерегает против одновариантности интерпретаций.

Кроме того, можно согласиться с точкой зрения, согласно которой постмодернизм не применим к анализу российской действительности в принципе. В частности В.Я.Ядов отмечает: "В современном российском обществе мы наблюдаем лишь поверхностное сходство с постмодерными условиями неопределенности в процессах самоидентификации личности. По существу пространство самоопределения сужается или даже навязывается внешними условиями. Так, фрагментация внешних условий в социальном пространстве совмещается с высокой унификацией тех же условий по регионам, стратам, этнонациональным сообществам и т.п. Это порождает повышенную агрессивность в отношении "не своих" или негативную идентичность" [10, С. 172].

Следовательно, вряд ли иррациональная и постмодернистская традиции могут служить основанием для исследования социальной природы и механизма выбора. Можем ли мы отказать российскому избирателю в рациональности? Какие принципы позволяют "частным" рациональностям составлять более или менее единую целостность – корпус избирателей? На наш взгляд, в электоральной деятельности российского избирателя проявляются следующие модели рационального выбора.

Первая модель – прагматический выбор. Следуя традиции Дж. Дьюи, к признакам прагматического выбора необходимо отнести непрерывность, транзитивность и коммуникацию.

Непрерывность саморазвивающегося опыта российского избирателя проявляется в последовательной и целостной адаптации между правовой, информационной и материальной средой обеспечения избирательного процесса и политическим участием избирателей. Принцип непрерывности подразумевает сохранение опыта всех видов электоральной деятельности и его использование в ходе дальнейшего элективного процесса. Реализация данного принципа обеспечивает плавный, постепенный характер эволюции политической системы, удерживающей весь потенциал прежде достигнутого развития. Рациональность без реализации принципа непрерывности невозможна.

Транзитивность – это свойство рационально структурированного опыта, приобретенного избирателем. Свойство транзитивности проявляется в умении отдать предпочтение политику или партии (в зависимости от уровня: выборы президента или депутата Государственной Думы, губернатора или депутата Законодательного Собрания, или в зависимости от идеологической ориентации: левый центр – правый), при этом сохраняется целостность и качественная определенность всей политической системы или ее агрегированный баланс. Принцип транзитивности позволяет установить природу изменения предпочтений избирателей.

Коммуникация – это необходимость существования единого рационального языка общения внутри корпуса избирателей, дающего возможность устанавливать и закреплять связи.

Вторая модель – инструментальный выбор. Следуя традиции Г. Беккера, необходимо признать, что мир состоит из максимизирующих выгоду индивидов, извлекающих ее из своего дохода, статуса, участия в голосовании.

Взаимодействие российских политиков и избирателей, ограниченное рядом идентифицируемых количественных признаков (социальная направленность реформ, защита интересов отечественных товаропроизводителей, развитие сферы образования, здравоохранения и культуры), находятся в состоянии равновесия. Если политик не предлагает эффективного пути решения насущных проблем, то избиратель готов отдать предпочтение конкуренту. Если представители элиты и контрэлиты не способны найти приемлемые варианты развития, то избиратель может заплатить более высокую цену, отдавая предпочтение сторонникам радикальных мер. Равновесие – необходимое условие осуществимости данной модели. В идеале каждый политик и избиратель должен поступать максимально правильно, чтобы до предела увеличить собственную выгоду.

Третья модель – общественно значимый выбор. Следуя традиции Дж.Баченина,

необходимо признать, что политик и избиратель исходят не только из собственной выгоды, но и учитывают совокупные последствия индивидуальных действий каждого. Однако мотивы избирателей и политиков различны, и вполне допустимо, что все руководствуются эгоистическими целями (например, готовы проголосовать за политиков-популистов). Поэтому в обществе должны быть заблаговременно выработаны правила (система цензов или "прозрачность" кандидатов перед судом общественного мнения), ограничивающие возможный вред, который могут нанести кандидаты в случае победы на выборах.

Но в условиях системной трансформации российского общества сомнения по поводу применимости принципа рациональности как основы для политического выбора избирателей существуют. Во-первых, налицо кризис рациональных ожиданий избирателей. Во-вторых, основная часть избирателей привыкла участвовать в политической жизни по правилам советской политической системы. В современных условиях правила иные. И хотя в том и в другом случае рациональность присутствует, но основная часть граждан вынуждена проходить длительный период ресоциализации в условиях демократической стадии. В-третьих, существует разрыв между системой краткосрочной и долгосрочной рациональности. Тактика политиков, партий, общественно-политических движений редко увязывается с их стратегическими планами. В представлениях избирателей возникает своего рода цепочка, чередующая рациональные действия политиков с непредсказуемыми. Вследствие этого результаты многих голосований можно назвать итогом стихийного взаимодействия сознательных действий избирателей и политиков.

Примечания:

1. Ахиезер А.С. Социокультурное прогнозирование России на макро- и микроуровнях // Полис. 1996. № 6.
2. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4.
3. Бауман З. Социологическая теория о постсовременности // Социологические очерки: Ежегодник. М.: Институт молодежи, 1991.
4. Грин Д.П., Шапиро И. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: Почему так мало удалось узнать // Полис. 1994. № 3.
5. Зарубин В.Г. Российский избиратель: опыт социологического анализа элективного действия. СПб.: Образование, 1997. 145 с.
6. Зарубин В.Г. Стиль мышления и стиль политики: интерпретация избирательной кампании в СМИ Санкт-Петербурга / Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии. Под ред. Л.В. Сморгунова, СПб.: СПбГУ, 1999. С. 123–132.
7. Зарубин В.Г. Петербургский стиль: новые измерения политики / Политический имидж: «секреты» манипуляции массовым сознанием. Под ред. Д.П. Гавры. СПб.: АНО «ГЦРОС», 2000. С. 70-78.
8. Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. 1993. №2.
9. Пантин И.К. Драма противостояния демократия/либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. №3.
10. Ядов В. Символические и примордиальные солидарности (социальные идентичности личности) в условиях быстрых социальных перемен // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994.

Social Nature of Electorate's Choice

Alexey V. Yaushev

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia
48 Moyka Embankment River, St. Petersburg 191186
PhD student
E-mail: vg_zarubin@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the approaches to studying the social nature of voters' choice. It is referred to the phenomenon of electoral shift, presenting results of voters' actions, not consistent with expectations of sociologists, experts and politicians. Shifts include institutional, functional and tactical ones.

According to the author, the first problem, concerning inward nature of electorate's actions study consists is the detection of a relation between rational and irrational actions of voters.

The second problem is the distinction between traditional western political culture, basing on rationality and traditional Russian political culture, irrational in itself.

According to the third approach, postmodernism is not applicable to the analysis of the Russian reality in principle.

Considering the phenomenon of rational choice, the author singles out three models: pragmatic choice, instrumental choice and socially significant choice.

The author notes that a chain of sequence of rational and unpredictable actions of politicians rises before voters' minds. Therefore, the results of many votes might be called an outcome of spontaneous interaction of conscious actions of voters and politicians.

Keywords: voter, elections, electoral shift, rational choice, political party.

UDC
316.34